

Окно в Европу (ирит. к газ. Марчанск. ч. театр). — 1995. — № 1. — С. 4

Анжель: погром против меня

Композитора Риккардо Мути — желтеет белозной. Заново облукатуренные стены, светлый паркет, диваны и кресла, обитые белой кожей. Исчез красный бархат изношенных ковров и обивки. Эта "возрожденная" среда, кажется, ставит перед собой цель обострить и продлить в поклонниках маэстро, которые пришли поздравить его с дебютом "Валькирии", ощущение прозрачности и чистоты, возникшее несколько мгновений раньше, чем зазвучала музыка.

Маэстро признается, что еще "не оторвался" полностью от музыки. "Дирижировать Вагнера действительно равнозначно совершению ритуала. И это то, что отличает его от других композиторов. Вагнер вводит в мир великой магии, перешагивая. И очень трудно из этого мира выйти. Священная аура окружает даже человеческие чувства. Пять часов проживаются, как в состоянии гипноза. Именно поэтому влада дирижера сложна: он должен передать пуб-

лике эти ощущения, но в то же время часть его мозга должна оставаться недеремлюющей. Если бы мы позволили увлечь себя, мы бы не могли довести до конца исполнение".

Он удовлетворен: публика приветствовала исполнение оперы аплодисментами, которые длились двенадцать минут, и дирижер, кажется, не придает большого значения расхождению во мнениях, впрочем, не очень отчетливому, касающихся работы режиссера Анжелы и сценариста Нинки Риси. "Я думаю, что эта постановка дала музыке возможность выразиться во всей полноте. — говорит он, — но, впрочем, суждения относительно визуальной стороны спектакля очень субъективны. Достаточно вспомнить, что постановка Шеро в Байройте вызвала бурю критических отзывов, в то время, как ныне его "Кольцо" считается шедевром. "Валькирию" интерпретировали как только можно, используя роковые шлемы или эвастикку. Заслуга Ан-

желы в том, что он избрал рисунок исключительной чистоты, в рамках которого могла развернуться музыкальная поэзия. Это самая лучшая услуга, которую можно оказать Вагнеру". Мути обрисовал слова похвалы к исполнителям и артистам оркестра, "которые играли отлично", говорит, что поражен публикой, "внимательной, полной участия и подготовленной", и то время как управляющий театром Ла Скала Карло Фонтана соглашается с ним, добавляя, что "стимулом продолжить проект "Кольцо" является существование публики, готовой принять его", и, кроме того, согласно мнению обоих, "Кольцо" в Ла Скала не появлялось слишком долго".

Пласидо Доминго, которому аплодировали с особенным восторгом во время этого спектакля, и который отмечает 25-летие со дня своего дебюта в Ла Скала, также говорит, что почувствовал в зале "особенную атмосферу, отмеченную сосредоточенностью и тишиной".

Еще одно совпадение — то, что первой оперой Доминго в Ла Скала был "Эрнани" под управлением Антонио Вотто, учителя Мути. "В то время, как мне не представился больше случай работать с Вотто, я практически вырос с Риккардо. Я всего на шесть месяцев старше его и вот уже 21 год, как мы работаем вместе", — рассказывает телор, который на следующий день после премьеры "Валькирии" отбыл в Лондон на "испытание" певцов с целью приглашения на будущие сезоны в оперный театр Вагнингтона, где начиная с 1996 года он будет артистическим директором.

К комментариям дирижера, управляющего Ла Скала и тенора присоединяется Роман Влад, художественный консультант театра:

"Валькирия" никогда не имела подобного успеха в Ла Скала. Я сказал Мути, что он заставляет оркестр "играть", а "нет" от начала до конца. Таким образом, опера превращается в одну большую *fied*, огромную, нескончаемую мелодию".

Единственные, кто не принимает участия в общей эйфории, — Анжель и Ристи. Среди откликов, звучавших непосредственно в зале, было много положительных мнений, выражений признания строгости стилей и сценической выразительности отдельных решений: слепые эффекты, сущность символов, большой холм, покрытый пестрыми макаками в последнем акте, пад котурим "парит", как в сказке, боевые кони валькирий. Однако другие выражали критические мнения: "не чувствуется присутствия весны" в первом акте, а во втором котурне облаков "убеждают более в качестве овечьего сыра". Наконец, настоящая беда, что последняя сцена, воспринятая партером с восхищенным удивлением, для зрителей галерей и последних рядов лож оказалась "вырезанной": они видели только ноги пидорирующих лошадей".

"Так не должно было быть", — объясняет Анжель, давая понять, что некоторые вещи не функционировали и обещая, что на следующем представлении этого не повторится. Французский режиссер с трудом скрывает горечь: "Конечно, расхождение во мнениях меня немного расстраивает, но я никогда не хотел нравиться всем. Это было бы слишком просто, и мне не подходит. Хотел бы, однако, добавить одну вещь. Я не люблю погромов. Не люблю ни в жизни, ни в истории. А история искусства — часть жизни. Почему? Нахожу непримемлемым, что так много людей набрасывается на одного". Считает ли он, что его не поняли? "Нет, здесь нечего понимать. Сцена или вызывает эмоция, или нет. Здесь не о чем говорить, нечего объяснять".

По окончании спектакля, во время ужина, предложенного банком *Cariplo* ассоциации "Four Seasons", аплодисментами, впрочем, не был обделен никто. Даже прокурор Франческо Салерно Боррелли, который недавно появился около двух часов ночи, после приема у синдика, чтобы поздравить Мути.

Мануэла КАМПАРИ
Перевод с итальянского
Ирины СОРОКИНОЙ

Габриэле Шнаут — Фрика, Монте Педерсон — Воган